

До сих пор о месте рождения знаменитого русского флотоводца мы не имеем точного представления. По данным Большой советской энциклопедии (т. 13. М., 1973) и Советской военной энциклопедии (т. 4. М., 1977), это произошло в Тверской губернии 1(13) февраля 1806 года. Морской энциклопедический словарь (СПб., 1993) дает лишь год рождения — 1806. В книге «Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы» (Тюмень, 2000) говорится, что Владимир Алексеевич появился на свет в Сибири. Противоречивые сведения содержатся в недавно вышедших монографиях. В «историческом романе» И.И. Фирсова «Корнилов. Впередсмотрящий» (М., 2005), фактически являвшемся не романом, а биографией, в одном месте приводится цитата из БСЭ о том, что В.А. Корнилов родился в Тверской губернии, а в другом сообщается, что младенческие годы его прошли... в Сибири. Более объективно, на мой взгляд, оценивает ситуацию С.Б. Кузьмина, автор новой книги о герое Севастопольской обороны: «Обнаружить документы о рождении, детстве и юности В.А. Корнилова не удалось. Даже точная дата и место его рождения до последнего времени не установлены. Из его формулярного списка следует лишь, что он родился в 1806 году: в это время А.М. Корнилов (отец будущего флотоводца. — А.Д.) был губернатором Иркутска. Возвращалась ли его семья в это время в Тверскую губернию — неизвестно, но в переписке самого В.А. Корнилова ни Иркутск, ни Тверская губерния не упоминаются, хотя когда в 1846 году ему потребовались метрическое свидетельство и родословные документы, он обращался не в Иркутск, а в Тверь и Петербург. Считается, что все документы семьи Корниловых бесследно пропали в 1812 году, когда во время вторжения французских войск архив дворянского депутатского собрания был перевезен из Твери в Бежецк»¹.

В самом деле, Алексей Михайлович Корнилов занимал пост Иркутского губернатора и жил в Иркутске с 15 июля 1805 по 29 июля 1806 года². Там он оказался в подчинении у Сибирского наместника (генерал-губернатора) И.О. Селифонтова. 3 сентября 1805 года в Иркутск прибыл назначенный послом в Китай граф Ю.А. Головкин. Из Иркутска в Поднебесную Головкин направился 26 сентября. Поскольку въезд в Пекин графу не разрешили из-за его отказа выполнять уничижительные церемонии, он вернулся в Иркутск 27 февраля 1806 года и жил там до 1 ноября³.

Тремя главными фигурами в Иркутске на тот период оказались Головкин, Селифонтов и Корнилов. Об отношениях, сложившихся между ними, подробно рассказывает декабрист В.И. Штейнгейль:

«На губернаторство приехал честный моряк Корнилов, лично известный <...> государю. Вы, верно, догадаетесь, что и этот не сошелся с <...> Селифонтовым.

¹Кузьмина С.Б. *Адмирал Корнилов. М., 2007. С. 18–19.*

²*Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 191, 201.*

³*Там же. С. 192, 195, 202.*

У них доходило до публичной разбранки, и, конечно, Корнилову было бы дурно, если бы не подоспело посольство графа Головкина.

Вам, конечно, известно, что графу Головкину поручено было в проезде до границы Китая обращать внимание на состояние губерний, по тракту лежащих, и доносить правительству, что заметит дурное. Как Лещано (Иркутский губернатор в 1798–1802 годах. — *А.Д.*) по надменности своей не захотел кланяться Селифонтову, так точно и этот в качестве полномочного вице-роя не оказал приезжему гостю особенного уважения. С первой встречи заметили в нем сухость. Напротив, Корнилов старался привлечь на свою сторону не только посла, но и всю его свиту. Жена Корнилова, Александра Ефремовна, урожденная фон дер Флит, была весьма любезная, ловкая, гостеприимная женщина. Вообще семейство Корнилова показалось посольству весьма любезным, и кавалеры, как говорили в Иркутске, «живмя жили» в губернаторском доме. После, когда Корнилов выехал из Иркутска с долгами, повторяли, что он «прожился на посольстве». Как бы то ни было, верно то, что Александра Ефремовна успела передать свите графа всю, как говорится, «подноготную» о Селифонтове, и граф всякое утро получал верный отчет о том, что там слышали. Последствие оказалось вскоре.

Едва граф Головкин отправился в Китай, Селифонтов поехал для свидания с семейством в Тобольск, дав обещание иркутянам вскоре вернуться. Прожив несколько месяцев в Тобольске, он и действительно думал уже о возвратном пути, как вдруг последовал высочайший указ об увольнении его от службы и о запрещении ему въезда в столицы»⁴.

Как видно из процитированного текста, жена А.М. Корнилова в 1805–1806 годах находилась в Иркутске.

Что же касается точной даты рождения будущего вице-адмирала, то, судя по всему, в выявленных источниках она отсутствует. Приведем выдержки из прошения Владимира Корнилова об определении его в Морской кадетский корпус:

«Январь 1818 г.

Отец мой родной, действительный статский советник Алексей Михайлов сын Корнилов, службу Вашего Императорского Величества продолжал во флоте, ныне мне от роду двенадцать лет, обучен по-русски и по-французски читать и писать и арифметике, но в службу Вашего Императорского Величества никуда еще не определен, а желание имею вступить в Морской кадетский корпус в кадеты. <...>

А что я действительно из дворян и помянутому действительному статскому советнику Алексею Корнилову законный сын, в том представляю при сем свидетельство. Испомещен же состою в Тверской губернии, крестьян за отцом моим тридцать душ .<...>

Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что означенный в сем прошении недоросль из дворян Владимир Корнилов действительно законный сын служившему во флоте действительному статскому советнику Алексею Михайловичу Корнилову и от роду имеет ныне двенадцать лет.

Генваря дня 1818 года»⁵.

День в подлиннике не указан. Затем следуют подписи четырех солидных лиц, в том числе генерал-лейтенанта и контр-адмирала, и помета — очевидно, чиновника Морского корпуса: «Подано 1 февраля 1818 г.»

⁴Штейнгейль В.И. К Иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1992. С. 191.

⁵Вице-адмирал Корнилов. Материалы для истории русского флота. М., 1947. С. 25–26.

Ясно, что прошение составлял не сын, а отец, который, видимо, спешил, поскольку не указал ни дня рождения отпрыска, ни дату свидетельства четырех дворян. Так как в тексте дважды упоминается январь, Владимир, скорее всего, родился не 1 февраля, а в последних числах января.

Учитывая приведенные выше сведения, я предположил, что В.А. Корнилов появился на свет в Иркутске. Не отправляли же Александру Ефремовну рожать в Тверскую губернию — за 5 с лишним тысяч верст! Подобное путешествие беременной женщины в тогдашних экипажах по тогдашним дорогам представляется почти невероятным. А для жены губернатора хороший врач нашелся бы и в Иркутске.

Конечно, главным документом, свидетельствующим о дате и месте рождения жителя России XIX века, является выписка из метрической книги. Но обнаружить такую выписку о В.А. Корнилове не удалось ни в Иркутске, ни в Тверской области.

В 2003 году, чтобы выяснить, почему местом рождения вице-адмирала считается Тверская губерния, я сделал запрос в Тверской государственный объединенный музей. Мне ответили, что так указано в документах, хранящихся в Государственном архиве Тверской области: деле о внесении в родословную книгу дворянства Корниловых, родословной дворян Корниловых, автобиографии (номера дел опускаю). То есть так писали сами Корниловы. Их поведение вполне объяснимо. Спустя несколько месяцев после рождения Владимира семейству пришлось выехать из Иркутска. Губернатор, понимая, что с И.О. Селифонтовым ему не ужиться, попросился в Тобольск. Сменившему вскоре Селифонтова на посту генерал-губернатора И.Б. Пестелю хотелось иметь в Иркутске своего ставленника, и он не возражал. Император согласился на перемещение Корнилова в Тобольск, и 29 июля 1806 года полугодовалый Володя, видимо, отправился в свое первое путешествие.

Однако И.Б. Пестелю Корнилов не нужен был и в Тобольске. В 1807 году он явился туда с визитом. О дальнейшем развитии событий повествует все тот же В.И. Штейнгейль. Пестель, «расставшись в Тобольске с губернатором Корниловым и с вице-губернатором Штейнгелем, моим дядею, как нельзя лучше, по приезде в Санкт-Петербург на обоих сделал представление, вследствие которого они преданы суду Сената. Место Корнилова получил зять Пестеля фон Брин. Поступок вообще не весьма чистый. Корнилов и Штейнгейль впоследствии оправдались, но огорчения свели последнего преждевременно в гроб»⁶.

Это сообщение дополняет В.И. Вагин: «Крайнее себялюбие, страсть к произволу, потворство своим любимцам, неутолимая мстительность — вот отличительные черты Пестеля. Тотчас после первого обозрения Сибири он возвратился в Петербург и жил там постоянно. Здесь главным занятием его было ожесточенное преследование двух смененных им губернаторов: Томского — Хвостова и Тобольского — Корнилова. Корнилов обвинялся в том, что привел в исполнение одну меру, предписанную тем же Пестелем, но отмененную им впоследствии»⁷.

Неясно, когда Алексея Михайловича оправдали, но даже и оправдание не давало возможности вернуться на государственную службу. Как пишет В.И. Вагин, вплоть до 1819 года Пестель, находясь в Петербурге, занимался преследованием

⁶Штейнгейль В.И. Указ. соч. С. 193–194.

⁷Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1. СПб., 1872. С. 6.

Корнилова и Хвостова. Пестелю покровительствовал А.А. Аракчеев. Поэтому А.М. Корнилов и вынужден был жить в Тверской губернии в качестве помещика. Восстановить свое прежнее (и вполне заслуженное) положение в обществе ему удалось лишь в 1822 году, когда он стал сенатором. Не приходится сомневаться, что это связано с приездом нового генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского в Петербург (март 1821 года) и особенно с указом императора Александра I (январь 1822 года) об отстранении от службы И.Б. Пестеля⁸. Сперанский старался по возможности помочь лицам, которых преследовала прежняя администрация.

Вышеупомянутые записи в дворянской родословной и в автобиографии В.А. Корнилова, очевидно, сделаны в 1818 году, когда Владимир попытался поступить в Морской корпус. Скорее всего, решение объявить местом рождения сына Тверскую губернию Алексей Михайлович принял потому, что, считаясь хоть и оправданным, но все же бывшим под судом и следствием, старался даже не вспоминать о своем неудачном губернаторстве.

Эти аргументы были высказаны мной в статье, напечатанной в иркутском журнале «Сибирь»⁹. Там я говорю о рождении В.А. Корнилова в Иркутске предположительно. Теперь выявлены новые факты, которые дают возможность сделать более определенный вывод. Я имею в виду сведения, содержащиеся в объемистом сборнике «Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы» (Т. 1. 1803–1807. М, 1995). Сборник посвящен посольству Ю.А. Головкина; в приложениях к нему даны «Воспоминания Ф.Ф. Вигеля о его поездке в составе посольства Ю.А. Головкина в Цинскую империю (1805–1806)».

Вигель прибыл в Иркутск 8 сентября 1805 года. «Почтенный Алексей Михайлович Корнилов, гражданский губернатор, к сожалению, не совсем <...> ладил с Селифонтовым и от этого был в большой милости у посла (о взаимоотношениях последнего с генерал-губернатором см. выше. — А.Д.). Дом его мог почитаться единственным в Иркутске; миловидная и добродушная жена его Александра Ефремовна, урожденная фон дер Флит, в нем угощала нас и своей непринужденностью, можно сказать, неумышленной любезностью всем нравилась. В день коронации, 15 сентября, была она хозяйкою на многолюдном и, говорят, престранном бале, который городу давал Головкин. Я не опишу его, ибо, простудившись, не был на нем».

21 декабря И.О. Селифонтов выехал из Иркутска в Тобольск, а посол Ю.А. Головкин находился в Китае. Поэтому 31 декабря 1805 года в качестве первого лица «губернатор Корнилов дал для всех сословий города бал, который в 12 часов, т.е. в полночь, ознаменован 16 пушечными выстрелами, для встречи нового 1806 г.»¹⁰. Это сообщение Иркутской летописи дополняет Ф.Ф. Вигель:

«Все мы <...> проводили жизнь у губернатора Корнилова. <...> Александра Ефремовна, губернаторша, умела так быть любезна с купцами и женами их, что для нея согласились они на один вечер отказаться от своих предрассудков и встретить у нея новый, 1806 год.

Всем снабжают Сибирь преступления, сделанные в России: в Иркутске было даже человек до десяти музыкантов. Васильчиков открыл бал с хозяйкой, а после того как он, так и она, так и почти все мы танцевали до упада; худо ли, хорошо ли, только от всего сердца. Дамы были все жены чиновников, а кавалеры (так называли тогда танцующих) были все мужья чиновниц».

⁸Ермолинский Л.Л. Михаил Сперанский. Иркутск, 1997. С. 335.

⁹Дулов А.В. Корниловы: губернатор и вице-адмирал // Сибирь. 2006. № 3. С. 26–40.

¹⁰Иркутская летопись. С. 195.

Отсюда следует, что с сентября 1805 по январь 1806 года мать будущего вице-адмирала в Тверскую губернию не выезжала. Практически неосуществимой представляется ее поездка туда и в январе 1806 года. В Иркутске средняя температура января — минус 20 градусов, а нередко бывают дни, когда термометр опускается ниже минус 40 градусов. Отправить беременную на девятом месяце женщину в дорогу при такой стуже — верх опрометчивости. Кроме того, и физически преодолеть столь большое расстояние за месяц было едва ли возможно. Расчеты показывают, что для этого требовалось передвигаться со скоростью 186 километров в сутки. Однако с такой скоростью ездили тогда только курьеры. Что же до обычных пассажиров, в первой половине XIX века их «средняя скорость» во время длительных путешествий составляла 40–125 километров в сутки». ¹¹

Остается признать очевидное: Александра Ефремовна родила своего сына Владимира в Иркутске.

¹¹ Дулов А.В. *Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.)*. М., 1983. С. 130.